

ДИСКУССИИ И ОБСУЖДЕНИЯ

АЛПАТОВ В. М.

О РАЗНЫХ ПОДХОДАХ К ВЫДЕЛЕНИЮ ЧАСТЕЙ РЕЧИ

Вопрос о природе и сущности частей речи принадлежит к числу «вечных» вопросов языкознания. Стало уже общим местом утверждение о том, что существует много точек зрения, ни одна из которых не является общепринятой, и что данная проблема далека от разрешения. С другой стороны, столь же широко известно, что при описании любого конкретного языка неизбежно приходится решать вопрос о том, как выделять в этом языке части речи. Попытки отказаться от этого понятия в ряде современных исследований фактически сводятся лишь к замене термина на какой-либо другой («дистрибуционные классы слов» и т. д.), а проблема все равно остается¹. Поэтому вопрос о критериях разграничения частей речи при всей своей запутанности не может потерять актуальности. Как нам кажется, для разработки таких критериев имеет смысл еще раз разобрать существующие точки зрения на части речи, выявить различия между ними и попытаться объяснить причины, их вызывающие. При этом мы ни в какой степени не претендуем ни на исчерпывающий охват материала, ни на окончательность выводов.

Вся проблематика, связанная с частями речи, не может быть рассмотрена в небольшой по объему статье. Мы оставляем в стороне проблемы, связанные с различиями в понимании слова и его границ, которые могут влиять на выделение частей речи, что для некоторых языков существенно. Такое влияние особенно велико для служебных слов (ср. споры типа «послелог или аффикс?», «частица или аффикс?», актуальные для почти любого нефлективного языка). Поэтому мы не будем рассматривать и вопрос о классификации служебных элементов, а также касаться споров по вопросу о проведении границы между знаменательными и служебными словами. Далее речь пойдет лишь о знаменательных частях речи; под знаменательными словами будут пониматься единицы, имеющие синтаксическую самостоятельность; такой подход в последние десятилетия достаточно стабилен, исключая лишь оценку междометий, которые несмотря на синтаксическую самостоятельность обычно отделяют от знаменательных слов.

При рассмотрении существующих точек зрения нельзя исходить лишь из определений частей речи, содержащихся в тех или иных работах. Как правильно указывала Н. Д. Арутюнова, «одной из характерных черт традиционной грамматики является отсутствие соотношенности между применяемыми принципами классификации и определениями полученных классов или категорий... Традиционная грамматика, верно отражая языковое чутье носителей языка, часто давала ему одностороннее (семантическое) истолкование. Но из этого не вытекает, что сами принципы систематизации материала были также односторонне семантическими» [1, с. 270]; ср. также [2, с. 159]. Во многих случаях принципы выделения частей речи (не всегда осознаваемые исследователем) видны прежде всего из конкретной классификации.

Можно наметить, на наш взгляд, несколько основных подходов к выделению частей речи, которые, конечно, далеко не всегда содержатся в «чистом» виде в работах языковедов.

1. Семантический подход. Этот подход в большей степени проявляется в определениях частей речи, чем в реальном членении

¹ Отказ от употребления термина «часть речи» следует отграничивать от идей об отсутствии частей речи в некотором языке (см. ниже). В последнем случае мы имеем «нулевую» классификацию по частям речи.

Лексика (по крайней мере, в отношении европейских языков). Еще от античности идут представления о том, что имена обозначают предметы, глаголы обозначают действия, позднее стали говорить о том, что прилагательные обозначают качества (признаки). Иногда и в наши дни можно встретить формулировки, в соответствии с которыми значение предметности, процесса и пр. — «представляет собой обобщение лексических значений слов всей части речи» [3].

Однако такая точка зрения неоднократно подвергалась обоснованной критике. Несовпадение привычных для нас частей речи и семантических классов лексики особенно очевидно в отношении существительных, которые по лексическому значению могут не отличаться от слов других частей речи. Еще в 1838 г. К. С. Аксаков писал: «Один и тот же корень, одно и то же содержание *слав* может явиться или именем через форму *слав-а*, или глаголом через форму *слав-ить*»; цит. по [4]. Позднее на это указывали очень многие ученые, см., например [5—7; 8, с. 76; 9, с. 30]. Достаточно очевидно, что лексическое значение существительных с процессным или качественным значением в европейских языках², по меньшей мере, ближе к значению глаголов и/или прилагательных, чем к значению непосредственно предметных существительных тех же языков. Из этого не следует, что существительные в обычном понимании должны выделяться без всякой связи с семантикой, но эта связь сложнее (см. ниже).

Отсутствие прямой корреляции между частями речи и типами лексических значений отмечалось и в ряде других случаев. Отмечалась семантическая разнородность качественных и относительных прилагательных и отсутствие собственно качественного значения у последних [8, с. 71]; ср. также [12]. Весьма трудно и семантическое определение наречия; характерно, что в книге В. В. Виноградова наречие — единственная часть речи, в определении которой не говорится о семантике [13]. Наконец, различие состояний и качеств далеко не очевидно, что показывает сопоставление разных языков³; видимо, справедливо высказывание Дж. Лайонза: «Различие между „качеством“ и „состоянием“ (если оно вообще не иллюзорно) менее разительно, чем различие между „действием“ и „состоянием“» [2, с. 343]. Ср., впрочем, иную точку зрения в [14].

Реально в описаниях европейских языков отнесение к той или иной части речи только на основе лексического значения производится лишь в периферийных случаях, ср. для русского языка отнесение в ряде работ слов типа *первый* к числительным или слов типа *такой* к местоимениям. Шире применяется этот принцип при описании языков иного строя, когда при отсутствии каких-либо иных критериев привычные части речи, например, прилагательные, выделяют «по семантике», а фактически по переводу на эталонный язык. Ср., например, историю выделения «прилагательных» в активных языках Америки [10, с. 103—105]. Иногда данный принцип принимается даже там, где он вступает в противоречие с другими, ср. высказывание о том, что в лезгинском языке «относительные прилагательные — это, как правило, имена существительные в форме родительного падежа» [15]. На современном уровне развития науки вряд ли нужно доказывать, насколько такой подход искажает реальные свойства языков.

Все сказанное не означает ни невозможности чисто семантической классификации лексики, ни отсутствия корреляции между частями речи и семантикой. Как раз в последние два десятилетия изучение лексической семантики развивается очень интенсивно, в том числе в нашей стране (рабо-

² Наличие в языке таких существительных — далеко не универсалия; ср. указание Г. А. Климова на то, что в языках активного строя они, видимо, отсутствуют [10, с. 111], а также их отсутствие в айском языке, где есть определенные черты активного строя (см. [11]). В таких языках классификация по частям речи ближе к семантической (ср. также отсутствие в них прилагательных), но вряд ли с ней совпадает полностью.

³ Например, в японском языке, где есть прилагательные, имеются такие несомненные глаголы, как *тому* «быть богатым», *ниру* «быть похожим», *хадзуму* «быть упругим; быть увлеченным, оживленным». Вряд ли можно считать, что в русском языке различие частей речи в подобных случаях прямо коррелирует с семантикой, а в японском нет (или наоборот).

ты Ю. Д. Апресяна, Н. Д. Арутюновой, В. Г. Гака, Е. В. Падучевой, В. С. Храковского и др.). Эти исследования четко показывают, что семантические классы, иногда называемые «глубинными частями речи» (см., например [16]), — не то же самое, что части речи в обычном смысле. О корреляции между частями речи и семантикой мы будем говорить ниже, в связи с синтаксическим подходом.

2. **Морфологический подход.** Этот подход также ведет свое начало от античности: ср. классификацию Марка Теренция Варрона (I в. до н. э.), выделявшего слова, имеющие падежные формы, но не имеющие временных (имена), слова, имеющие временные формы, но не имеющие падежных (глаголы), слова, имеющие те и другие формы (причастия), и слова, не имеющие ни тех, ни других форм (наречия). Конкретные определения частей речи могут различаться, однако при морфологическом подходе части речи всегда выделяются в зависимости от особенности словоизменения в широком смысле (грамматической аффиксации и внутренней флексии); к морфологическим критериям выделения частей речи могут быть отнесены и словообразовательные, чаще выступающие как дополнительные. К морфологическому подходу в широком смысле могут быть отнесены и классификации частей речи в зависимости от сочетаемости со служебными словами (для европейских языков этот критерий также обычно дополнителен, но он может выступать на первый план при описании языков иного строя).

Для многих языков мира, прежде всего флективно-свететических, такой подход имеет явные преимущества. Морфологические особенности тех или иных классов слов в этих языках обычно достаточно очевидны. В сущности, традиционная классификация по частям речи (особенно в своем раннем, александрийском варианте) в основном является (независимо от определений) классификацией морфологической. Все знаменательные части речи, выделенные античными учеными, имеют в древнегреческом и латинском языках те или иные морфологические особенности⁴. Показательно, что античные ученые не дифференцировали существительное и прилагательное, объединяя их в единую часть речи — имя⁵. В классических языках существительное и прилагательное, различаясь синтаксически, мало дифференцированы морфологически (имеющиеся различия, в частности, степени сравнения у прилагательных, периферийны). Существительные и прилагательные были выделены в особые части речи лишь в новое время в связи с отходом от латинского эталона при описании современных европейских языков⁶. В то же время причастия, имеющие в классических языках более заметные морфологические особенности, были выделены в особую часть речи (эта традиция удерживалась до XIX в., но потом потеряла силу). Наконец, и местоимения в классических языках — прежде всего слова с аномальным склонением. Позднее традиционные системы частей речи стали менее последовательно морфологичными, отчасти из-за переноса традиционной схемы на новые европейские языки (ср. сохранение класса местоимений в традиционном объеме для языков, где не все местоимения имеют морфологические особенности), отчасти в связи с трактовкой явлений, отсутствовавших в классических языках или не имевших значения для античных грамматистов (ср. трактовку в русистике слов типа *пальто* как существительных или отнесение к существительным субстантивированных прилагательных⁷).

⁴ Исключая междометие (если относить его к знаменательным частям речи), неизменяемостью не отличающееся от наречия. Однако междометия имеют яркие особенности в других отношениях вплоть до звукового облика. Показательно все же, что междометие было выделено позже других античных частей речи.

⁵ Реликтом такого подхода осталась традиционная трактовка местоимений, куда с античных времен принято относить местоименные существительные и прилагательные, но не местоименные наречия.

⁶ В России ученые XVIII в., в том числе М. В. Ломоносов, еще выделяли восемь античных частей речи. Традиция разграничивать существительные и прилагательные в отечественной науке идет от А. Х. Востокова, см. [17].

⁷ По мнению Н. Д. Арутюновой [1, с. 269], исходящей из анализа данных примеров, традиционная система частей речи основана прежде всего на синтаксических свой-

В пользу морфологического подхода к выделению частей речи можно привести еще два аргумента. В науке XX в. возросло требование к строгости и максимальной формализованности лингвистических описаний; из всех существовавших концепций частей речи наиболее отвечающей этому требованию оказалась последовательно морфологическая, разрабатывавшаяся в отечественной науке в трудах Ф. Ф. Фортунатова и его школы (Д. Н. Ушаков, В. Н. Сидоров, П. С. Кузнецов и др.), см. об этом [18]; именно такое понимание частей речи было принято в работах по прикладной лингвистике. Не менее важно то, что именно морфологический подход к разграничению базовых единиц языка (при возможных различиях в понимании последних) преобладает не только в европейской, но и в других лингвистических традициях (если только там вообще ставится проблема такого разграничения). Показательна, в частности, японская традиция, где выделялись лишь морфологические классы знаменательных единиц языка (этим классам, как и в европейской традиции, давались либо морфологические, либо семантические определения); иные способы классификации появились лишь после знакомства с европейским языкознанием⁸.

Однако морфологический подход к частям речи имеет и свои недостатки. Во-первых, даже для европейских языков его последовательное применение может давать интуитивно неприемлемые результаты. Например, для русского языка при узкоморфологическом подходе в одну часть речи попадут наречия, категории состояния, междометия и неизменяемые существительные⁹ (последние, впрочем, будут отграничены, если учитывать и сочетаемость со служебными словами). Вообще недостаточность морфологических классификаций, по-видимому, наиболее очевидна там, где речь идет о неизменяемых словах; их членение возможно только при дополнении морфологических критериев какими-то другими.

Еще более существенная трудность связана с неуниверсальностью морфологических классов. Идея об универсальности (хотя бы частичной) грамматических категорий тех или иных частей речи, идущая от универсальных грамматик, не подтверждается фактами (хотя и в современных работах можно еще встретить утверждения о том, что в любом языке глагол выражает значение времени и пр.); отсутствие таких категорий для глагола было в свое время детально показано И. И. Мещаниновым в книге [19]. Тем самым различные морфологические классы разных языков могут оказаться несопоставимыми. Сопоставление может производиться лишь по другим критериям (синтаксическим, семантическим).

Особую трудность представляет морфологический критерий (особенно в варианте, учитывающем только словоизменение) для так называемых изолирующих языков, где морфологические классы отсутствуют или мало дифференцированы. Последовательное применение подхода, свойственного фортунатовской школе, к китайскому языку привело китайского ученого Гао Минкя к идее об отсутствии в этом языке частей речи [22]. Ученые, признающие наличие в китайском языке определенной морфологии, тем не менее указывают, что выделение в нем частей речи строго морфологически дает неприемлемый результат, поскольку, например, в класс неизменяемых слов попадут неодушевленные существительные и наречия (см. [23])¹⁰.

3. Синтаксический подход. Неоднократно в качестве критериев для разграничения частей речи предлагались и синтаксические,

ствах слов. Однако, во-первых, такие примеры трудно найти для античного периода, во-вторых, здесь помимо синтаксических свойств, видимо, учитывались и семантические. К тому же в ряде случаев и русской традиции свойствен морфологизм, ср. обычную трактовку так называемой категории состояния как прилагательных или наречий; синтаксический подход требовал бы их отнесения к глаголам. Такая точка зрения также существовала (А. Х. Востоков, М. Н. Катков, Н. П. Некрасов), но не получила развития.

⁸ Об истории учения о частях речи в Японии см. [20].

⁹ Подобного типа класс при последовательно морфологическом подходе получил Г. О. Винокур [21, с. 414]; ср. его вывод о том, что классификация русских слов по форме — не то же, что выделение частей речи [21, с. 415].

¹⁰ Впрочем, японская традиция до знакомства с европейской наукой и не различала существительные и наречия ввиду их неизменяемости при традиционном японском подходе к слову.

связанные с функцией слова в предложении¹¹ (самостоятельно или в сочетании с другими). В отличие от семантических и морфологических эти критерии (по крайней мере, в явном виде) стали использоваться не ранее XIX в. (см. примеч. 7).

Крайний случай синтаксического подхода — отождествление частей речи и членов предложения. В европейской науке такая точка зрения иногда встречалась в теории, см. [24], но, по-видимому, до конца не осуществилась на практике: при традиционном разграничении подлежащего и дополнения никто, кажется, не вводил соответствующего разделения для частей речи; ср. также тот факт, что слова типа *отца* в сочетании *дом отца* не принято рассматривать как прилагательные. Примечательно, однако, что именно так подходили к частям речи в своих языках авторы ранних европеизированных грамматик в Китае (Ма Цзяньчжун — 1898 г.) и Японии (Танака Ёсикадо — 1874 г.). Обычно прямое отождествление части речи и члена предложения производится там, где меньше всего помогает морфология: довольно часто отождествляются наречия и обстоятельства.

Однако чаще при синтаксическом подходе классы выделяются так, чтобы не вступить в противоречие с тем, что А. И. Смирницкий называл «тождеством слова». С этой точки зрения слово может выступать в качестве разных членов предложения, но из различных синтаксических функций некоторые признаются существенными и определяющими: те слова, для которых существенна функция сказуемого, называются глаголами, функция подлежащего и дополнения — существительными, функция определения — прилагательными, функция обстоятельства — наречиями. Для русского языка такую точку зрения (несколько затемненную семантической терминологией) выдвигал А. А. Шахматов [25], для китайского (более строго) — А. А. Драгунов и Е. Н. Драгунова [25].

Такой подход имеет немало преимуществ. Прежде всего он более универсален, чем морфологический; указанные выше классы слов могут быть выделены по достаточно единым основаниям для многих (и даже для всех) языков. Недаром такая точка зрения после работы А. А. и Е. Н. Драгуновых получила признание в исследованиях советских специалистов по изолирующим языкам. Если морфологические классы нередко несопоставимы, а их количество и состав непредсказуемы, то синтаксические классы в принципе сопоставимы и исчислимы, языки могут описываться в данном отношении единообразно¹².

Синтаксические классификации лексики важны и в том отношении, что они имеют определенную корреляцию с лексической семантикой и отличие от морфологических, связанных лишь с грамматической семантикой слова. Эта корреляция не является прямой (см. выше), она осуществляется через функции слова¹³ в предложении, структура которого отображает (не всегда взаимно однозначно) некоторую семантическую структуру. В предложении минимально обозначается некоторая ситуация (выражаемая сказуемым) и ее участники, выражаемые подлежащим и дополнениями; в языке могут быть (и, как правило, бывают) единицы, специализированные на обозначении главной ситуации (глаголы) и на обозначении участников (существительные). При этом участниками ситуаций являются конкретные предметы (лица), но также в ряде случаев и другие ситуации

¹¹ Мы отвлекаемся от того, что функцию в предложении, строго говоря, выполняет не слово в обычном понимании, а синтаксема (знаменательное слово, либо знаменательное слово со служебными); для выделения знаменательных частей речи от этого различия можно отвлечься.

¹² Различия в выделении синтаксических частей речи могут быть связаны, с одной стороны, с различиями трактовок, не имеющих прямого отношения к принципу выделения частей речи, прежде всего с разным пониманием «тождества слова» (русские причастия при синтаксическом подходе могут объединяться с глаголами или с прилагательными, но не выделяться в отдельную часть речи), с другой стороны, с выделением более дробных классов, например, для японского языка выделяются «непредикативные прилагательные» и «применные», первые способны быть определениями и обстоятельствами, вторые — только определениями, или с объединением классов (не во всех языках есть прилагательные или наречия).

¹³ Точнее, соответствующей ему синтаксеме (см. примеч. 11).

(ср. ситуацию, описанную в предложении *Петя слышит шум*). Там самым получает объяснение существование во многих языках предметных и не-предметных существительных, различающихся по семантике, но объединяемых синтаксической функцией; между глаголами и непредметными существительными соотношение обратное¹⁴. В предложении может обозначаться более одной ситуации: помимо упомянутого случая, когда одна ситуация является участником другой, существуют и второстепенные ситуации, характеризующие более главную ситуацию или ее участника; способы их обозначения — соответственно обстоятельства и определения¹⁵; в ряде языков встречаются единицы, предназначенные для обозначения второстепенных ситуаций того или иного рода (наречия, прилагательные); эти функции могут, однако, обслуживаться и глаголами и/или именами, наречия и прилагательные как особые классы менее обязательны, чем имена (существительные) и глаголы¹⁶.

Такое понимание частей речи объясняет их соотношение с семантикой. Слова с предметным значением синтаксически обычно однотипны и образуют ядро класса имен (существительных), куда способны входить и слова с непредметным значением. Слова со стативным значением (в отличие от значения активных действий) чаще обозначают «второстепенные», «фоновые» ситуации, поэтому слова с таким значением во многих языках имеют тенденцию формировать классы прилагательных и наречий (что не означает того, что эти классы в языке строго отграничиваются по семантике от глаголов со стативным значением).

Синтаксический подход к выделению частей речи также может представлять трудности применительно к ряду языков. Бывают языки (с морфологической дифференциацией или без нее), где самые различные слова способны употребляться в любой или почти любой синтаксической функции¹⁷, ср. указания на трудности синтаксических классификаций (при применимости морфологических) в языках банту в [27]. Выделение наиболее типичных функций для той или иной части речи далеко не всегда очевидно, а выделение частей речи на основании всех возможных синтаксических функций может приводить к выделению несопоставимых классов; мы, например, не сможем сопоставить существительные русского языка, способные быть сказуемым без связки, и существительные английского или японского языков, лишённые такого свойства. Видимо, не следует упускать из виду и меньшую очевидность синтаксических классов, особенно там, где они не совпадают с морфологическими.

Таким образом, выделение синтаксических и морфологических классов слов — два подхода, не отрицающие, а скорее дополняющие друг друга. Встает вопрос о соотношении этих классов. По-видимому, во многих языках проявляется тенденция к морфологизации синтаксических классов, ср. распространенное понимание частей речи как морфологизованных членов предложения [28, 29]. Во многих случаях те же классы допускают выделение по разным основаниям: как в русском, так и в японском языке глагол, существительное, прилагательное могут быть выделены по морфологическим и синтаксическим основаниям. Однако классификации не всегда совпадают. С одной стороны, имеются чисто морфологические классы типа японских «предикативных прилагательных», синтаксически не отличающихся от глаголов; ср. также русские или латинские причастия. С другой стороны, нескольким синтаксическим классам может соответствовать

¹⁴ Традиционные определения непредметных имен как «действий, мыслимых в отвлечении от субъекта» и пр., скорее отражают не особенности их семантики, а особенности их сочетаемости: модель управления глагола обычно требует обозначения участников ситуации, при именном обозначении той же ситуации такое обозначение не обязательно.

¹⁵ Другая функция определений в ряде языков — обозначение участников ситуаций, выражаемых именами.

¹⁶ Мы вынуждены излагать данную проблему крайне бегло, отвлекаясь от ряда существенных моментов.

¹⁷ Образование некоторого члена предложения с помощью особого грамматического показателя, не меняющего полностью свойства слова, типа связки или субстантиватора, нельзя отнести к типичным функциям слов.

один морфологический класс, что нередко бывает в случаях неизменяемых слов (см. выше).

4. Подход, основанный на интуиции. Большинство традиционных классификаций частей речи не является ни строго семантическими, ни строго морфологическими, ни строго синтаксическими. Неоднородность подходов может объясняться разными причинами: во-первых, эклектичностью концепций (что, конечно, иногда имеет место), во-вторых, необходимостью более детального описания, учитывающего все стороны. Однако эклектичность вряд ли устранима без получения нетрадиционных решений, а совмещение критериев требует выяснения их соотношения и уточнения границ их применимости, чего обычно не делается. Создается впечатление, что часто языковеды не классифицируют слова на основе тех или иных свойств, а, наоборот, ищут свойства, которыми обладают заранее известные классы.

Именно об этом говорится в известной статье Л. В. Щербы «О частях речи в русском языке» (1928 г.). Здесь подчеркивается большая важность понятия части речи, но в то же время указано, что «самое различие „частей речи“ едва ли можно считать результатом „научной“ классификации слов» [8, с. 83]. При этом отмечается, что, хотя лексику можно классифицировать различным образом, «в вопросе о „частях речи“ исследователю вовсе не приходится классифицировать слова по каким-либо учебным и очень умным, но предвзятым принципам, а он должен разыскивать, какая классификация особенно настойчиво навязывается самой языковой системой» [8, с. 64]. И далее: «Едва ли мы потому считаем *стол*, *медведь* за существительные, что они склоняются: скорее мы потому их склоняем, что они существительные» [8, с. 64].

Такой подход принципиально отличен от всех рассмотренных выше. Л. В. Щерба не отрицает ни семантические, ни морфологические, ни синтаксические критерии (и в той или иной степени учитывает каждый при рассмотрении частей речи русского языка). Однако для Л. В. Щербы все это — лишь опознавательные знаки для восприятия частей речи, которые существуют независимо от их семантики и формальных свойств. Встает вопрос, как понимать формулировку «навязывается самой языковой системой»; ведь любые классификации, как правило, не произвольны: исследователь основывает классификацию на тех или иных различиях, существующих в языковой системе¹⁸. По-видимому, под «навязыванием» следует понимать влияние со стороны психолингвистического механизма: носители языка ощущают неоднородность тех единиц, которые хранятся в их памяти (т. е. слов), и опознают эти единицы как принадлежащие к тем или иным словесным группам. Этот вывод не формулируется Л. В. Щербой явно, однако он делался некоторыми учеными, ср. высказывание А. Е. Супруна: «Слова, являющиеся по соображениям лингвистов, подтверждаемым психологами и психофизиологами, теми языковыми единицами, которые хранятся в памяти, во многих (а может быть, и во всех) современных языках в той или иной мере специализированы в своих грамматических функциях. Естественно поэтому предположить, что одно из членений тотального множества слов языка на подмножества для облегчения и ускорения их поиска в памяти основывается на этой грамматической специализации слов» [30]¹⁹.

При такой интерпретации идей Л. В. Щербы становятся ясными многие его формулировки. Действительно, если мы исходим из нашего психолингвистического представления (традиционно именуемого языковой интуицией), мы можем выделять классы слов, обладающие разнообразными свойствами, которые, действительно, играют лишь роль опознавателей слов в неясных случаях. В то же время при научной классификации мы должны либо исходить из единого критерия, либо, если мы пользуемся несколькими критериями, установить их иерархию. Психолингвистиче-

¹⁸ Если только он не описывает язык в категориях другого языка (родного или наиболее престижного).

¹⁹ Любопытно, что выделение самой нетрадиционной из частей речи Л. В. Щербой, категории состояния, тоже имеет психолингвистические основания (см. [31]).

ский механизм не всегда отлажен, поэтому возможны случаи, когда одно и то же слово может быть отнесено к нескольким классам, а какие-то слова остаться вне классов. Это и делает Л. В. Щерба, признавая для частей речи возможность того и другого [8, с. 66], тогда как при научной классификации пересечение классов и наличие остатка — явные пороки, которых стремятся избежать.

Признание психолингвистической основы традиционных классификаций объясняет и еще одно их свойство, которое Л. В. Щерба как раз не принимал. В психолингвистическом механизме языка базовой единицей является слово, причем слова неоднородны по своим свойствам, прежде всего качественно разнородны знаменательные и служебные слова. При исследовании языковой системы в первую очередь бросается в глаза эта разнородность, отсюда вполне обоснованные идеи, согласно которым классификации знаменательных и служебных слов несоотносимы, выдвигающиеся, в частности, и Л. В. Щербой (см. [8, с. 58—59]). Однако с психолингвистической точки зрения вполне закономерно членить на классы слова языка в целом, что и делала традиция начиная от античности.

Такой подход к выделению частей речи может быть сопоставлен со словоцентрическим подходом к выделению единиц языка, когда языковой анализ начинается с изучения слов, понимаемых как заранее известные и очевидные единицы; см. об этом нашу статью [32]. Европейская традиция (и не только она) в основе была словоцентрической, основанной на интуитивном (в конечном итоге, психолингвистическом) представлении о слове. Точно так же и в отношении частей речи эта традиция исходила из психолингвистических представлений о классах слов. Традиционный подход к частям речи неразрывно связан со словоцентризмом. Попытки рассматривать части речи не как заранее заданные классы слов, а как классы, получаемые на основе применения некоторых критериев, могут быть сопоставлены с аналогичным (не словоцентрическим) подходом к слову; подобный подход как к слову, так и к частям речи начал осуществляться (не всегда у одних и тех же ученых) примерно в одно и то же время, на грани XIX и XX вв.²⁰

Подобное понимание частей речи лишь в большей степени (далеко не полностью) эксплицировано в статье Л. В. Щербы²¹, в неявном виде оно встречается очень широко. Только при таком понимании возможна отмечавшаяся выше особенность большинства традиционных грамматик, когда определения полученных классов не соответствуют их реальным свойствам. В пользу данного подхода, как и в пользу словоцентризма, говорит его психологическая адекватность, этот фактор всегда желательно учитывать в лингвистических исследованиях (выделение же частей речи последовательно на основе морфологических, синтаксических и особенно семантических критериев, как мы уже говорили выше, обычно приводит к нарушению такой адекватности).

Интуитивные представления о неоднородности базовых единиц языка в той или иной степени отражаются в любой лингвистической традиции, фактически представление о частях речи можно видеть в европейской, индийской, арабской, японской традициях (где независимо друг от друга были разграничены имя и глагол), в меньшей степени в китайской, где до знакомства с европейской наукой разграничивались лишь «полные слова» и «пустые слова». Однако сопоставление традиций показывает, что интуитивные представления о частях речи (как и о слове) могут в той или иной степени не совпадать. Несовпадения могут быть связаны с большей или меньшей разработанностью описаний, но могут быть и более

²⁰ Ср., впрочем, последовательно морфологический подход у Варрона, но и он, вероятно, был связан с обоснованием интуиции автора.

²¹ К сожалению, глубокие идеи Л. В. Щербы не были должным образом оценены в науке его времени. Его статья была воспринята в первую очередь как полемическая против морфологизма фортунаговской школы. В то же время довольно многие языковеды использовали некоторые формулировки Л. В. Щербы для подтверждения тезиса (никогда самим Л. В. Щербой не выдвигавшегося) о существовании во всех языках одних и тех же традиционных частей речи независимо от их выделенности, см., например [9, с. 53].

принципиальными. Например, японская наука без большого труда приняла у европейской понятие наречия (выделение наречий в особый класс принципиально не меняло традиционную систему и лишь детализировало ее), но решительно отказалась от европейской классификации служебных слов, расходившейся с японскими представлениями.

Таким образом, основанные на интуиции описания частей речи могут оказаться несопоставимыми, к тому же они охватывают не всю лексику языка (см. выше) и не поддаются формализации. Наконец, такие описания существуют далеко не для всех языков, а лишь для языков народов, у которых существует развитое и освобожденное от чужезычного эталона языкознание²².

Мы до сих пор оставляли в стороне одну из распространенных точек зрения, в соответствии с которой каждая часть речи обладает особым значением, не обобщенным лексическим и не грамматическим, а так называемым лексико-грамматическим. Наиболее детально этот подход разработан, пожалуй, в книге О. П. Суника (см. 19, с. 26, 30, 31 и сл.).

Подобная точка зрения может иметь разную значимость. В одних случаях указание на лексико-грамматические значения — семантическое дополнение к определениям классов слов, выделенных по морфологическим и/или синтаксическим признакам. В таком случае «мы имеем дело с семантически немотивированным удвоением грамматической номенклатуры, то есть выделением квазисемантических ярлыков, полностью дублирующих грамматические понятия» [14, с. 8]. Иное содержание приобретает эта точка зрения у Л. В. Щербы, который, осознавая относительность морфологических, синтаксических и семантических (в смысле лексического значения) примет частей речи, стремится в то же время найти для каждой части речи некоторый собственный признак. Однако такой подход имеет только психолингвистическую значимость, указывая на то, как носители языка осознают свойства выделяемых ими классов (действительно, понимание существительных как слов с предметным значением и т. д. стойко сохраняется в лингвистической традиции и интуитивно, по-видимому, кажется очевидным, хотя строго лингвистическими методами оно не подтверждается); в таких случаях, видимо, решающую роль играет лексическая семантика ядерной части данного класса слов. Нам представляется правильным утверждение А. А. Леонтьева: «Не грамматические категории „сопутствуют“ значению части речи, а значение части речи возникает на основе этих категорий и „сопутствует“ им. Это происходит, по-видимому, в результате бессознательного семантического обобщения слов, уже отнесенных к определенному классу по грамматическим признакам... Обобщенные семантические представления являются лингвистической фикцией — эквивалентом грамматических классов в языковом сознании носителей языка» [33].

Подводя итоги, скажем следующее. Лексика языка может классифицироваться по разным основаниям: семантическим, морфологическим, синтаксическим; семантическая и синтаксическая классификации достаточно универсальны, языки различаются главным образом большей или меньшей дробностью получаемых классов; морфологические свойства единиц того или иного языка более разнообразны, разные классы разных языков могут быть прямо не сопоставимы друг с другом (но могут быть сопоставимы через синтаксические классы, которым они соответствуют). Наряду с классификациями лингвистическими, основанными на тех или иных свойствах единиц языка, могут быть классификации психолингвистические, основанные (полностью или частично) на том, как членят лексику языка его носители; традиционные классификации частей речи обычно по своей сути относятся именно сюда. При этом психолингвистические классы могут быть разнородными, хотя в языках с развитой морфологией чаще всего значимыми оказываются морфологические признаки (что и отражено в традиционных классификациях, хотя там часто

²² Еще один способ выявления психолингвистических представлений — изучение афазий, но и оно связано со многими трудностями.

морфологические классы трактуются семантически). Может быть, только за такими классами и имеет смысл закрепить традиционный термин «части речи». Как мы уже отмечали в [32], описание языков в сопоставимых терминах и психологически адекватное описание языков — в равной степени важные лингвистические задачи, однако они не всегда могут быть решены одновременно (ср. также аналогичную точку зрения в [34]). Это относится и к классификации лексики. Классификация лексики по тем или иным лингвистическим признакам и выделение психологически адекватных частей речи — не противоречащие друг другу, а дополняющие друг друга процедуры.

ЛИТЕРАТУРА

1. Основные направления структурализма. М., 1964.
2. *Лайонз Дж.* Введение в теоретическую лингвистику. М., 1978.
3. *Тихонов А. Н.* Части речи — лексико-грамматические разряды слов. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов. Л., 1965, с. 29.
4. Хрестоматия по истории русского языкознания. М., 1973, с. 171.
5. *Потебня А. А.* Из записок по русской грамматике. Т. I—II. М., 1958, с. 90, 93.
6. *Пауль Г.* Принципы истории языка. М., 1960, с. 415, 425, 426.
7. *Есперсен О.* Философия грамматики. М., 1958, с. 153.
8. *Щерба Л. В.* Избранные работы по русскому языку. М., 1957.
9. *Суник О. П.* Общая теория частей речи. М. — Л., 1966.
10. *Климов Г. А.* Типология языков активного строя. М., 1977.
11. *Киндаити Кёсукэ, Тири Масихо.* Айнугохо-гайсэцу. Токио, 1936, с. 48—51.
12. *Якубинский Л. П.* Из истории имени прилагательного. — Доклады и сообщения ИЯ АН СССР, 1951, № 1, с. 59—60.
13. *Виноградов В. В.* Русский язык. 2-е изд. М., 1972, с. 273.
14. Семантические типы предикатов. М., 1982.
15. *Мейланова У. А.* Лезгинский язык. — В кн.: Языки народов СССР. Т. IV. М., 1966, с. 533.
16. *Кибрик А. Е., Кодзасов С. В., Оловяникова И. П.* Опыт структурного описания арчинского языка. Т. I. М., 1977, с. 19—20.
17. *Поспелов Н. С.* Учение о частях речи в русской грамматической традиции. М., 1954.
18. *Апресян Ю. Д.* Идеи и методы современной структурной лингвистики. М., 1966.
19. *Мещанинов И. И.* Глагол. М. — Л., 1948.
20. *Фомин А. И.* Из истории японского языкознания (Учение о частях речи у токугавацких филологов). — В кн.: Японский лингвистический сборник. М., 1959.
21. *Винокур Г. О.* Избранные работы по русскому языку. М., 1959.
22. *Гао Мин-кай.* Проблема частей речи в китайском языке. — ВЯ, 1955, № 3.
23. *Яхонтов С. Е.* Понятие части речи в общем и китайском языкознании. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, с. 24.
24. *Добиаш А. В.* Синтаксис Аполлония Дискола. Киев, 1882.
25. *Шахматов А. А.* Из трудов по современному русскому языку (Учение о частях речи). М., 1952, с. 29, 33, 36.
26. *Драгуновы Е. и А.* Части речи в китайском языке. — Советское языкознание. Т. 3. Л., 1937.
27. *Озотина Н. В.* Морфемная структура слов языка суахили как основа разграничения частей речи. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, с. 48—49.
28. *Аванесов Р. И.* Второстепенные члены предложения как грамматические категории. — РЯШ, 1936, № 4, с. 54.
29. *Мещанинов И. И.* Члены предложения и части речи. М. — Л., 1945, с. 210.
30. *Супрун А. Е.* Грамматические свойства слов и части речи. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, с. 17.
31. *Спивак Д. Л.* Искусственно вызываемые состояния измененного сознания (на материале инсулинотерапии) и их лингвистические корреляты. — Физиология человека, 1980, № 1, с. 145—146.
32. *Алпатов В. М.* О двух подходах к выделению единиц языка. — ВЯ, 1982, № 6.
33. *Леоцкий А. А.* Фиктивность «семантического критерия» при определении частей речи. — В кн.: Вопросы теории частей речи на материале языков различных типов, с. 34.
34. *Нгуен Куанг Хонг.* Общий принцип и разные подходы к выделению основных единиц языка (Опыт сопоставительного изучения европейской и китайской лингвистической традиции). — ВЯ, 1985, № 1.